

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2(367)

МАЛОРОССИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ВКЛАДА В КУЛЬТУРУ СЛАВЯНСКОГО МИРА* (ПО МАТЕРИАЛАМ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И.Г. ПРЫЖОВА)

д-р культурологии, проф. В.Л. КУРГУЗОВ

(Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия)

Определяется культурологическая значимость творческого наследия И.Г. Прыжова; рассматриваются актуальные проблемы зарождения культурного наследия Малороссии (Украины), пронизанного искренней любовью к своей земле, бесценного его вклада в сокровищницу культуры России и славянского мира в целом. На примерах Киевской Руси показаны основные достижения культуры славян, отражен ретроспективный взгляд на общность духовных интересов славянских народов. Выражена позиция автора на сохранение этого культурного наследия и использование его в условиях современности, в том числе в условиях социального противостояния на Украине в наши дни.

Введение. Обратиться к истории культурных достижений Малороссии побудили автора сегодняшние события в Украине, которые с тревогой и болью переживают все люди на постсоветском пространстве. Они заставляют нас оглянуться назад, обратиться к собственной истории, ретроспективному анализу культурных достижений Малороссии, оставивших глубокий след в истории не только России, но и всего славянского мира. Прежде чем перейти к основному содержанию статьи, штрихами обозначим историю Киевской Руси, территорию которой в рамках Российской империи стали называть Малороссией, в отличие от другой ее части – Великороссии.

Расселение славянских племен в Европе – составная часть великого переселения народов I тысячелетия нашей эры. Принято выделять три основные ветви славян, основываясь на районах их расселения: **южные** славяне, которые расположились на территории Южной Европы, прежде всего на Балканах; **западные** славяне – предки чехов и поляков; **восточные** славяне – предки современных русских, украинцев и белорусов. Уже в IX веке сложилось единое восточнославянское государство – **Киевская Русь**. Её расцвет приходится на княжение Ярослава Мудрого (1019–1054). После смерти Владимира Мономаха (1113–1125) в середине XII века начался период феодальной раздробленности. В середине XIII века произошло вторжение Орды на территорию Киевской Руси, результатом которого стало почти двухсотлетнее татаро-монгольское иго. Несмотря на мрачные времена, смерть людей, порабощение, уничтожение культурных ценностей, культура Киевской Руси продолжала жить и развиваться, сохраняя свои народные корни, создавая шедевры, которыми мы не перестаём удивляться сегодня, в третьем тысячелетии.

Культура Киевской Руси имела специфику, отличавшую ее от культур других христианских народов: древние славяне были **язычниками**, а культура славянского язычества, к сожалению, изучена пока еще недостаточно широко. В 988 году при киевском князе Владимире Красном Солнышке произошло Крещение Руси, которое оказало большое влияние на развитие всей славянской культуры. Русь через Византию приобщилась к культуре античного мира. Процессы становления культуры Киевской Руси и в целом Малороссии всегда привлекали внимание российских историков, филологов и культурологов. Одним из родоначальников исследований культуры Малороссии в XIX веке был Иван Гаврилович Прыжов – видный российский историк, этнограф, социолог и публицист. К сожалению, его имя полузабыто научными сообществами современной России и постсоветского пространства в целом. Редкие книги и статьи о далеко неординарной личности хотя и стали появляться в последние годы, но их содержание не исчерпывает того масштабного духовного наследия, которое оставил этот ученый.

Цель данного исследования – определить культурологическую значимость творческого наследия И.Г. Прыжова, что он по праву заслуживает.

Основная часть. Судьба Ивана Гавриловича Прыжова была нелегкой, родился он в 1827 году в московской Мариинской больнице для убогих. Несмотря на бедность, сын бывшего крепостного, а затем охранника этой больницы, все же был принят в гимназию, которую окончил с отличием. Это дало ему

* Представленная работа основана на редких материалах научных трудов полузабытого в наши дни историка, этнографа и публициста XIX века И.Г. Прыжова.

право поступить в Московский университет без экзаменов, однако окончить университет не удалось, он был исключен за революционную деятельность. С 5 марта 1870 года Прыжов – узник Петропавловской крепости, в 1871 году приговором суда подвергнут публичной казни, лишен всех прав состояния, приговорен к ссылке на 12 лет каторжных работ и вечное поселение в Восточной Сибири. Каторгу отбывал на Петровском железоделательном заводе, здесь до него работали многие декабристы, а в 1881 году вышел на поселение, не имея средств не только для выезда в центральную Россию, но даже, по его словам, «пятак, чтобы купить марку для письма». Борясь с голодом, Прыжов умер 25 июля 1885 года.

Чем же дорого нам творческое наследие И.Г. Прыжова?.. Вот мнение одного из первых его биографов, А.М. Альтмана, который в 1932 году выпустил в свет книгу «Иван Гаврилович Прыжов. Очерки. Статьи. Письма». Альтман подчеркивал: «Рассеянное по многочисленным столичным и провинциальным газетам, журналам и отдельным изданиям, изъятым в свое время по распоряжению правительства из продажи и библиотек, а ныне ставшее библиографической редкостью, литературное наследие И.Г. Прыжова оказалось уже при первых изысканиях гораздо значительнее, чем это можно было предположить, судя по тем скудным сведениям, которыми мы до сих пор о нем располагали» [1, с. 71]. Сам Прыжов о своем творческом наследии отзывался так: «Я хотел собрать в одно целое не только археологические факты, но и все слезы, всю кровь, весь пот, пролитые когда-либо народом, – собрать и высчитать, насколько вынесет эта наука счисления». Он признавал: «Из всего того, что было только напечатано, целая половина была урезана цензурой или мной самим, другая же половина была исковерканной» [1, с. 9].

Благодаря появившимся в наше время редким публикациям Иван Гаврилович Прыжов известен как талантливый публицист и ученый. Он был не только историком, этнографом и социологом, но и *культурологом*. Это нетрудно доказать, хотя бы кратким обзором его творческого наследия. «Целью моих трудов, – пишет Прыжов в своем фундаментальном произведении “Исповедь”, – было на основании законов исторического движения проследить все главные изменения народной жизни, и каждое из них с первых следов их существования вплоть до нынешнего дня... Позволю себе думать, что подобная смелость не только была по силам мне, но даже отчасти была исполнена. Материал у меня был собран настолько, что я уже мог его распределить на шесть больших томов, именно: 1. Народные верования (в первые дни культуры в средних веках и теперь); 2. Социальный быт (хлеб и вино, община и братство, поэзия, музыка, и драма); 3. История русской женщины; 4. История нищенства в России; 5. Секты, ереси, расколы; 6. Малороссия» [1, с. 20].

Исследованием последней темы Прыжов занимался с глубоким интересом. Несколько раз побывав на Украине, чаще всего пешком преодолевая большие расстояния в компании странников и богомольцев, он всесторонне и глубоко изучал культуру народа Малороссии. Еще в молодости познакомившись со многими киевскими учеными и публицистами, он, уже находясь на каторге и не имея возможности для личных контактов, сотрудничал с ними до конца своей жизни. Об этом свидетельствует большой объем сохранившихся писем. Даже последнее в своей жизни письмо из Петровского завода он отправил своему украинскому другу Н.И. Стороженко. За несколько дней до смерти Прыжов писал в далекую Украину: «Будете в Киеве («у Києве, на Подові, козаки гуляють»), то ради создателя добудьте мне №№ издания Общества Нестора Летописца... Желаю умереть хорошо, а не по-дурачки...» [1, с. 381]. Это подтверждает трудолюбие учёного и преданность теме изучения истории культуры Малороссии.

Читая труды Прыжова, приходишь к мысли об актуальности его идей для сегодняшней действительности, для культуры славянских народов на реформируемом постсоветском пространстве, и прежде всего для самой России. Начиная с 90-х годов XX века в среде не только прозападной «демократической общественности», но и в руководстве России началось повальное восхваление всего «европейского», «американского» при почти полном забвении собственной истории, к сожалению, уже неизмеримо искажённой. Выводы И.Г. Прыжова актуальны, поскольку на киевском Майдане некоторые «патриоты» Украины даже слушать не хотят о кровном, братском родстве народов России и Украины. Характерная деталь: современные реформаторы Украины ненавидят вовсе не путинскую Россию, а Россию и русский народ вообще. Национализм и русофобия, а вовсе не демократия, проявляются в их доминирующих идеях. Насаждения негативных тенденций в культуре и в образовании молодежи за два последних десятилетия дали обильные всходы... К чему это ведет – видно по последним украинским событиям. Трагический ряд сожжения людей: белорусская Хатынь, вьетнамская деревня Сонгми и другие – пополнился сегодня спланированным актом сожжения горожан в Одессе. Невольно в голову приходят слова замученного гитлеровцами славянина, чешского писателя-антифашиста Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны...».

Как бы не развивалась наша история, даже в период мрачного самодержавия в России находились талантливые люди, которые думали о близости славянских народов, а не о том, чтобы их разобщать.

В середине XIX века Прыжов писал: «В Великороссии, где общество еще в Московской Руси, утратило всякое чувство принадлежности к своему народу, где слово “народ” вечно служило потачкой одному лишь мелкому лицемерию, – возникает своеобразная жизнь с модой на народы и народности» [2, с. 186]. Далее, ссылаясь на «Чтение Императорского Московского общества истории и древности», он отмечает: «Была у нас мода на греков (песнопение греков), на армян (Нахичевань на Дону), на поляков (во время крепостного права), на немцев (колонии), говорят, даже была мода на калмыков, и много через калмычек в бары повывлезло. Недавно еще была мода на американцев... В XVIII веке была мода на казачков, что состояли при барынях, но она давно прошла, и пора бы дожидаться иной моды – *на коренную русскую (южнорусскую) жизнь* (выделено нами – К. В.), а то ведь, быть может, и поздно будет – судьбы народов неисповедимы...» [2, с. 186].

То обстоятельство, что в каждом из нас, по крайней мере в украинце, белорусе и русском человеке, глубоко сидят общие, в том числе и южнорусские культурные корни, обязывает нас – славян XXI века – повернуться в сторону единения. Одной из причин такого желания можно назвать то, что южнорусский язык включает в себе столь же самобытные и древние черты, как и другие славянские языки, состоит из нескольких наречий. Например, на полтавско-чигиринском наречии, на котором говорит сегодняшняя Украина, пропел свои песни великий славянский поэт Тарас Григорьевич Шевченко. Отделившись когда-то от общеславянского корня, южнорусский язык развивался вместе с русским (или южнорусским) народом, носившим древнее имя Руси. Еще в XIII веке этот народ назвал свою страну у моря – Украиной. Центром русской земли был Киев, издавна известный скандинавам, германцам, грекам и арабам под различными именами: Кутаба, Куяба, Кунаба, Киона, Киваса, Киос и др. Ссылаясь на Константина Порфиродного (X век), Прыжов пишет, что у Киева сходились суда из Новгорода, Смоленска, Любеча, Вышгорода. Посетивший Киев в X веке польский купец Адам Бренинский сравнивал город с Византией. У русского народа Киев носил высокое имя матери русских городов: «Мати градомъ Руськимъ». Имя Руси со временем распространяется на Волынь, Галич, дальний Северо-Восток и объединяет все земли восточных славян. «И теперь, – как подчеркивает Прыжов, – благодаря умственному развитию нашего века, несмотря на все племенные различия разных областей России, мы должны видеть в них одну лишь великую Русь. А Россия – слово книжное, сочиненное греками». «Поляне – Русь – были просвещеннее своих соседей, чему много помогал *Днепр Словутный*, служивший путем в Грецию и Тавриду». Затем Киев стал центром, связующим соседние племена, старшим братом других славянских племен. «Ту Немцы и Венедицы, ту Греции и Морава поють славу Святъславлю. На Западе Киеву подавал руку древний Галич, где русский князь, сидя на своем золотоканованом стуле, подпирал горы Угорские своими железными полками, заступал путь королю, затворял ворота Дунаю, суда рядил до Дуная... Киев был богат...» [2, с. 170].

В Киеве было множество торговых домов, некоторые принадлежали латинянам. В начале X века киевляне проникали на своих телегах через Чехию на берега Дуная, продавали баварцам лошадей и невольников. В XI веке русские с поляками доходили до Сицилии. Социокультурный уровень жизни киевского народа был столь высок, что, как отмечает Прыжов, даже «евреи XI века, жившие среди русских племен, говорили по-русски. Киевлянки, как помнит еще былина, и как можно судить по теперешней русской (украинской) женщине, отличались свободой, красотой и сладострастием; свободную жизнь народа связывал дух братства, побратимства, крепкая социальная жизнь, возникавшая около князей, вроде благородной личности Владимира Мономаха, тянула к себе людей из соседних земель, и в Киев съезжались гости из Чернигова, из Волынца, из Кракова и Царьграда, – чехи и ляхи, славяне и немцы» [2, с. 171].

Росло число княжеств Малороссии и число князей, которые заводили меж собой «кромолы», иногда, по примеру поляков, давили народ, для чего не прочь были воспользоваться помощью диких орд, ожидающих добычи и стоящих у ворот Киева. К княжеским междоусобицам прибавлялись и неприязненные отношения народов отдельных земель друг к другу. Все это порождало жизнь беспокойную, лишала уверенности в завтрашнем дне. Вот тут-то и возникает образ мудрейшего хранителя, защитника земли русской, удалого князя *Владимира Мономаха*. Одновременно создается образ удалца в княжеских и народных дружинах, выросший впоследствии на северо-востоке Малороссии в высокую и благородную личность *Ильи Муромца*, защитника народа от князей, а на юге – в вольного казака. Развитие культуры в Киевской Руси породило русский эпос, сначала мифический, а затем *исторический*. Русский эпос, по мнению Прыжова, носит неправильное имя «богатырского (слово татарское, выдуманное московскими учеными-грамматиками), получивший начало еще до племенного разделения на великороссов и малороссов, сохранился на северо-востоке... в убогих обломках старины: живой исторической жизни в нем нет и следа, так как на северо-востоке поэзия заглохла вместе с народной свободой. Не то было на юго-западе...» [2, с. 172–173].

Несмотря на поколебавшие народные массы грозные события, в Южной Руси новые образы отодвинули назад и заслонили героев старого эпоса, остатки которого долго еще были живы, являя собой своеобразный комментарий народной жизни Малороссии. Здесь еще долгое время ходили предания о «великанах», оставивших свои следы в «могилах» (холмах) и «земельных валах». Это и предания о том, как Борис и Глеб или Козьма Дали ковали первый плуг для людей. Древний край полон памятью о князе Олеге. До сих пор сохранились первые думы «О походе старшего князя язычника в царьградскую землю», о службе русских людей в Царьграде, «Об Алексее Поповиче» и др. Распространяя христианство и отбиваясь от полчищ, напавших из Азии, Киевская Русь, с одной стороны, слагает религиозные предания, а с другой – входит в новый период развития исторического эпоса. В Киеве создано предание об апостоле Андрее – отшельнике, проповедовавшем в «киевских горах». К X веку здесь уже вполне сложился идеал братской любви св. Бориса и Глеба; он получил высокое признание не только в Киевской Руси, но и вошел в легенды и предания русского народа северо-восточных территорий.

При битвах с печенегами возникло сказание о Кирилле Кожемяке, сохранившем свое имя в названии киевской местности Кожемяка и в великорусской сказке о Никите Кожемяке. Печенегов сменили половцы. Владимир Всеволодович – знаменитый князь Владимир Мономах «добрый страдалец за русскую землю», как его называет летопись, призвав князей в поход против половцев, ушел в степь на битву с половцами, которые были разбиты. Именно эту победу, по мнению русского историка Костомарова, воспел русский певец Боян, знаменуя героическую борьбу народа за свою русскую землю. Сохраненное в «Слове о полку Игореве» имя Бояна отнюдь не вымышленное. Оно было известно у славян еще в VI веке. У болгар в начале X века имя Боян носил младший брат царя Симеона, который тоже был вещим певцом. Наконец, имя осталось в славянских фамилиях и в географических названиях в Албании, Италии, Чехии и Германии. Гениальный создатель «Слова о полку Игореве» относился к Бояну с великим уважением, называя его «соловьём старого времени», «вещим певцом – внуком бога пенсии – Велеса». Прыжов, ссылаясь на мнение русского историка В. Срезневского, называет Бояна «Русским Аполлоном», который «пел, возлагая на струны свои десять перст, то есть точно так же, как поют и играют доселе его потомки, украинские бандуристы» [2, с. 174].

Что касается письменности – одного из важнейших феноменов духовной культуры, то есть немало подтверждений, что она существовала на Руси еще в языческий период, задолго до принятия христианства. Об этом свидетельствует ряд литературных источников и памятников материальной культуры: *во-первых*, загадочные «причерноморские знаки», открытые в середине XIX века в Херсоне, Керчи, Ольвии и других местах греческого поселения на территории Малороссии. Знаки эти по своему рисунку имеют довольно сложную линейно-геометрическую форму. Большинство их относится к III–IV векам нашей эры; *во-вторых*, изобразительный символический орнамент, обнаруженный на вазах и кувшинах, найденных при раскопках на территории Вольни, близ Киева, относится к памятникам так называемой «черняховской культуры» (II–IV века н. э.); *в-третьих*, о существовании у славян в дохристианский период алфавитного письма свидетельствуют письменные договоры славянских князей с Византией, относящиеся к V–VIII векам нашей эры. Договоры писались на двух языках – греческом и славянском. Из договора Олега с греками явствует, что древняя дружба между христианами-греками и языческой Русью «многажды» была подтверждена «не только словами, но и письменно».

И наконец, о наличии у славян алфавитного письма говорит факт из биографии Кирилла, одного из создателей славянской азбуки, о котором сообщается в VIII главе «Панонского жития» Кирилла. В ней рассказывается, что Кирилл во время своего путешествия к хазарам в конце 50-х – начале 60-х годов IX века «обрел» в Херсоне (Южный берег Крыма) «Евангелие» и «Псалтырь», написанные русскими буквами («роуськими письмены писано»). Затем он встретил там человека, говорившего по-русски, беседовал с ним, и вскоре, к удивлению своих спутников, начал читать и говорить по-русски. Как бы в подтверждение этого факта в одной из русских рукописей XV века (в «Толковой Палее») говорится: «А грамота русская, явилася, богом дана, в Корсуне (Херсоне) русину, от него научился философ Константин (Кирилл) и оттуда сложив и написав книги русским языком» [3, с. 47].

Дальнейшая судьба Киевской Руси с 1240 года в течение почти целого столетия наполнена страданиями, о которых далеко не всегда упоминает история. Мы знаем, что Киев покорила Орда, которая трижды сжигала его дотла. Как отмечает Прыжов, «от скрипа татарских телег нельзя было расслышать голоса, и что в окрестностях Киева находили много черепов и костей человеческих» [2, с. 193]. Но мы знаем и другое, что история киевского просвещения начинается в XI веке с Феодосия – второго игумена Киевско-Печерской лавры. Из глубокой старины доносится до нас высокое апостольское слово игумена, учившее любить человека, и с тех пор как будто завещанное Руси. Здесь – в Печерском монастыре – была развернута литературная деятельность, которая отзывается эхом во всех последующих временах. Централь-

ной фигурой был Феодосий. Инок Илларион описывал книги, Феодисий пряд нитки для переплета, старец Никон переплетал книги, другие иноки вели Летопись, составляли Жития. Именно в народе и в церкви сохранялась любовь к своей земле. В XII веке жил паломник Даниила из Чернигова, поставивший лампаду от русской земли на святом гробе господнем. В нем мы видим общую заинтересованность в развитии культуры, ибо деятельными её участниками стали уже не только князь или игумен, но и простой мужик.

Заключение. В культурном наследии Киевской Руси русские люди XXI столетия видят искреннюю любовь к своей земле, к своему народу, желание творить ему добро. В этом, наверное, квинтэссенция русской души. Именно в первый период своей исторической жизни, окончившийся татарским нашествием и погромом, Южная Русь создавала свою культуру – язык, словесность, искусство, вырабатывала в своих недрах идею просвещения, оказавшую огромное влияние на все славянство. Русский народ затем двинулся на Север, но навеки сохранил свою память о доброй старой киевской жизни. Недаром же толпы народа многие-многие годы шли с холодного севера помолиться в старый Киев, ибо город Киев был для них своеобразной Меккой спасения от любых невзгод. Сегодняшний Киев переживает не лучшие времена своей истории, подвержен смуте и нуждается в поиске нелегкого выхода из тупика. Представляется, что выход этот нужно искать не за «морями и горами», не в воспитании ненависти к «кацапам» и «москалям», а в собственной многовековой истории, в духовных сокровищницах мудрости украинского народа, в славянских корнях его богатейшей культуры, в установлении братских, добрососедских отношений с соседними славянскими народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прыжов, И.Г. Очерки. Статьи. Письма: сб. соч. / И.Г. Прыжов. – М.–Л., 1934. – 485 с.
2. Мазуркевич, А.Р. Из истории русско-украинских литературных связей / А.Р. Мазуркевич, И.Г. Прыжов. – Киев: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 424 с.
3. Литературное наследие Киевской Руси. – Киев, 1954. – 386 с.

Поступила 28.04.2014

LITTLE RUSSIA: ON THE ISSUE OF THE SLAV NATION CONTRIBUTION TO CULTURE (BASED ON I.G. PRYZHOV'S ARTISTIC HERITAGE)

V. KURGUZOV

The article is based on rare research papers written by I.G. Pryzhov, a historian, ethnographer and writer who lived in XIX century and is half-remembered nowadays. The author considers the topical issue of Little Russia (Ukraine) artistic heritage origin penetrated with the people's sincere love of their land, its invaluable contribution to treasure house of not only the Russian but also the Slavs culture. Kievan Russia is given as an example of the Slav nation main cultural achievements, besides the hindsight analysis of their common grounds and spiritual qualities is made. The author hopes this heritage will be preserved and currently used despite the confrontation existing in Ukraine now.